

18+

Ирма Буракова

**Долгожданная
осень**

Ирма Буракова

Долгожданная осень

«Издательские решения»

Буракова И.

Долгожданная осень / И. Буракова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530714-9

Быть слишком правильной, сильной, принципиальной всю жизнь — благо это или ярмо? Нужно ли выбираться из ставшего привычным деревянного костюма, чтобы быть счастливой? Что будет, если изменить собственной привычке говорить «нет» и решить побыть просто женщиной.

ISBN 978-5-00-530714-9

© Буракова И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Долгожданная осень

Ирма Буракова

© Ирма Буракова, 2021

ISBN 978-5-0053-0714-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Осень выдалась необычайно теплой для Москвы. Листья упорно не хотели одеваться в пеструю палитру и бодрым веселым покрывалом трепетали на ветвях, крепко держась за них, словно показывая зеленые языки календарю, где гордо царствовал октябрь.

Екатерина опиралась на перила набережной и утомленно смотрела на окрашенные в темно-лиловый свинец ленивые воды Москвы-реки. Сколько времени прошло с того момента, когда Галке внезапно захотелось «попить водички» и она явно в поисках приключений ввалилась в элитный ресторан посреди столицы? День так хорошо начинался: подруга в кои веки уговорила наконец её посвятить один выходной простому женскому променаду по магазинам, салонам, пешей прогулке по солнечной столице. Словно внезапная остановка в бешеной гонке работа-дом-работа. Ан нет, Галю под конец дня опять заела доля горькая и поиски принца на фоне приближающейся гордой даты в сорок пять. Под благовидным предлогом утолить жажду, потянуло её на приключения. И какой смысл был вытаскивать Екатерину из рутины повседневного быта, вопя о необходимости развеяться, освежить содержимое головы, пользуясь неожиданно теплой и солнечной погодой?! Хороша ж прогулка в ожидании.

– Нет, Кать, я тебя определенно не понимаю! – вещала накануне подруга, – ты сама себе создала дебилские рамки-принципы и живешь за ними, как за решеткой. Пойми, наконец! Ты свободна от каких-либо обязательств! Сашка у тебя выросла и съехала к парню, супружеских обязательств у тебя уже давно нет, почему ты себя похоронила в монастыре? Да с твоей внешностью и светлой головой можно охоту на арабских принцев каждодневно устраивать!

– Не нужны мне арабские принцы, мне и так хорошо. Без арабских проблем. Оставь ты уж наконец моё тело и голову, – криво усмехнулась Катерина, – потом шарахаться от ревнивых жен и вагона проблем? Нет уж, спасибо!

– Мне б твои ноги и фигуру! Я уж точно б не стала время зря тратить!

– Увы, к моим ногам неизбежно прилагаются мои мозги.

Галина стала аж пунцовая:

– Да, ты просто себя губишь! Женщина не должна жить в одиночестве без любви и флирта! Никому не нужная женщина превращается в гримзу, недовольную всем и вся, или конченную кошатницу, больную на голову! А, как правило, легко сочетает в себе всё вышеперечисленное!

– Ага, по тебе, так лучше потом рыдать ночью в трубку, узнав, что очередной арабский принц женат четыре раза, оказался выходцем с Кавказа, и не олигарх, а владелец двух овощных палаток у вокзала? Брось, мне комфортно и так.

Галка несколько обиженно подобрала губы, но против правды с конкретными фактами не попрешь. На одни и те же грабли да, она была горазда наступать. Напоследок буркнула:

– Ты всё ждешь идеала, придуманного тобой... только что ты с ним будешь делать лет в семьдесят? Сейчас надо жить!

– Никого я не жду, с чего ты взяла? Прогулку завтра тебе в своей компании подарю. По остальным вопросам – от-ва-ли!

Катерина посмотрела на наручные часы – скоро семь, на улице окончательно стемнело, а ей еще добираться до весьма неблизкого дома. В принципе Галке тоже бы пора домой, но с ней всегда всё сложно и с вывертом. Дама разведенная, дети взрослые, сама в вечном поиске – непредсказуема и ветрена, будто вечные шестнадцать.

«Зайду, позову, если там всё плохо или наоборот, очень для подруги хорошо, – поеду домой одна», – с нарастающим раздражением решила Екатерина.

В ресторане было многолюдно, и сразу в глаза бросилась большая шумная компания: типичные спутницы состоятельных мужчин – блестящая галдящая стайка девушек «Барби»,

как их про себя называла Катя. В легком подпитии мужчины с расстегнутыми воротниками и теряющие на ходу галстуки, большей частью вальяжно сползающие в креслах до состояния полулежачи, гордо выпячивающие шарообразные животы. Громкие разговоры, запах спиртного, мешанины парфюма, еды и дорогого табака.

Вот ирония, Катя не курила, но один из её бывших коллег когда-то баловался ручным изготовлением сигарет для себя, хвалился в офисе редкостными для нулевых годов сортами табака, фруктовых и ягодных добавок; и запах хорошего дорогого табака из пакетика с надписью Original Virginia навсегда отпечатался в памяти и с лёгкостью опознавался в любой обстановке.

У барной стойки, замерев, буквально раскрыв рот, сидела Галка. Перед ней распинался странный, пухлый, невысокий смуглый мужчина с угольно-черными глазами. Из него неиссякаемым потоком лился поток комплиментов, риторических вопросов, стихотворных цитат. В голове всплыла иллюстрация из «Маугли», где загипнотизированные бандерлоги шагают прямо в пасть Каа. Вот Галка была сейчас истинной мартышкой! При чем шагающей в первых рядах. Большой вопрос, надо ли её спасать из этой удавьей хватки – чернявый мужчина, несмотря на банальность изливающихся обильных словесных эпитетов и некую внешнюю несурзность, был даже навскидку обаятелен и харизматичен.

Екатерина, с решительностью атомного ледокола, прошествовала к барной стойке и боковым зрением заметила суету в шумной компании – один высокий мужчина буквально стряхивал с себя девиц и судорожно приводил в порядок рубашку и галстук; вот ещё не хватало ещё одного удава на свою голову. Поспешно поднырнув к невысокой Галке под бочок, подруга зашипела:

– Водички попила? Давай-ка отсюда...

– О, богини, куда вы торопитесь? Уделите нам немного внимания... – сладко с придыханием приятным голосом запел чернявый, гипнотизируя масляными глазками, но продолжить не успел. Катя деловито отрезала, демонстративно игнорируя всё происходящее вокруг, – Я тебя жду десять минут на набережной, потом еду домой одна, – сердито буркнула и направилась к выходу.

– Вы похожи на славянскую богиню Ладу, словно сошедшую к нам в свой светлый праздник и не желающую возвращаться обратно из Яви в Навь. Меня зовут Спартак. – Внезапно выдал странное сочетание фраз весьма ясным трезвым голосом собеседник Гали.

Машинально Катерина пожала протянутую им руку, часто поморгала и несколько ошарашено проговорила:

– Вы оригинал, Спартак, удивили. Тем более, Ваша наружность, предполагает скорее не славянское происхождение...

– А вот давеча древние славяне благодарили Лешего за дары и прощались до следующей весны, хозяйки пекли пироги... кстати, в этом ресторане чудные пироги с дикой ягодой и крольчатинной! Пожалуйста, составьте нам компанию! – продолжал изливаться Мистер Харизма и приглашающим жестом махнул в сторону шумной компании с синтетическими девицами.

Катерина аж брезгливо подернула плечами:

– Нет, уж, увольте. Безмерно благодарю, – речь автоматически подстроилась под витиеватые фразы собеседника, – я тороплюсь. Возможно, Галина составит Вам компанию? – Она уже поняла, что Галка уже попала бесповоротно под обаяние этого необычного человека и явно останется тут не только водички попить.

Новоназначенная богиня Лада скороговоркой повторила подруге про ожидание в течение десяти минут, поспешно попрощалась со Спартаком и практически выбежала на свежий воздух. На улице сбавила шаг и направилась к облюбованным перилам, поглядывая на часы, облегченно вдыхая полной грудью теплый воздух улицы, пусть пыльный, но свободный от запаха кабака. Надо же, по лицу пробежала улыбка, этот черноглазый впервые за долгое время смог

нестандартностью фраз и поведения удивить, но... подобный легкий флирт вызывал у неё только улыбку, а вот подруге кажется явно повезло с компанией как минимум на этот вечер.

Мысли хаотично бросились врассыпную, выдергивая разномастные воспоминания, ощущения и еще что-то неуловимое тягуче-тоскливое. Несколько глубоких вздохов, встряхнуться, отогнать нехоти накотившую тоску, очнуться, посмотреть на часы.

На прощанье, в ожидании чуда надо поглядеть на двери ресторана – вдруг подруга-таки вырвалась от змея искусителя, и ещё раз зачем-то поглядеть на циферблат. Порыв ветра растрепал волосы, пригоршнями щедро осыпал мелкими сухими самолетиками семян клена; взъерошенные пряди темного золота закрыли глаза и липли к губам. Переведя дыхание и наконец-то расчистив обзор, Екатерина прямо перед собой внезапно увидела высокого мужчину из ресторанной компании.

– Вам достался хулиганистый порыв ветра, наверное, его подговорил Спартак. Он кому угодно зубы заговорит, – смеясь, сказал он низким немного рокочущим голосом, удивительно напомиравшим речь какого-то диктора или актера.

– Да, от Вашего говорливого спутника можно ожидать чего угодно, – в голове сразу начался самостоятельный процесс поиска таинственного актера или диктора. Катерина аж на секунду закрыла глаза, тихо, как ей казалось, пробормотала себе под нос, – Хабенский!

– Эээ, нет, просто Максим, – услышав последнюю фразу, рассмеявшись, представился собеседник.

– Нет, извините, я не это имела в виду. Пыталась понять, кого мне напоминает Ваш голос.

– И это Хабенский? Странно, не знал... Как мне к Вам можно обратиться? Хотя... – мужчина картинно вознес взгляд на небо и слегка прищурился, – можно вернуться к теме богинь.

– Нет – нет! Лучше Екатерина, – сказала со смехом собеседница.

– Что-то мне подсказывает, что Ваша подруга безвозвратно попала в силки обаяния нашего дамского угодника и не скоро сможет из них вырваться. Почему же Вы так поспешно ушли?

– Ммм, как бы Вам сказать. Это несколько не мой формат времяпровождения. Я, пожалуй, и сейчас уже пойду...

– Екатерина, не убегайте. Посмотрите какой теплый вечер! Не сегодня – завтра зарядят осенние дожди, и не будет больше возможности вот так погулять по Москве. Пожалуйста, давайте просто прогуляемся по этой набережной, – буквально умоляюще произнес собеседник и даже выставил вперед обезоруживающе руки, – обещаю, что буду поддерживать беседу только на интересные для Вас темы или же большей частью молчать.

– Нет, Максим. Вы извините, конечно, – шумный вздох, – просто нет. Хорошего Вам вечера. – Катя развернулась и решительным шагом стала удаляться, в который раз внутри спора сама с собой о правильности такой категоричности. Вспоминая вчерашние слова подруги о собственных рамках надуманных принципов и свои аргументы в противовес.

Ближе к метро она выдохнула, сбавила шаг, остановилась, чтобы отправить Гале сообщение. Внутренний диалог «зачем и почему каждый раз такое поспешное бегство и никому не нужные игры в целомудрие» был задушен на корню и затих бубнящим монологом.

У входа в подземный переход дворник сердито сметал мусор и дорожную пыль. Непредсказуемым порывом ветер вновь закружил с таким трудом собранную кучку мусора, подхватил легкие бумажки и пыль и щедро замахнулся в проходящих мимо людей. Катерина инстинктивно стала зажмуривать глаза и поспешно отворачиваться, прикрываясь ладонью, дабы не оказаться припудренной не самой приятной смесью. Краем глаза заметила стремительно надвигающееся темное полотно и в недоумении застыла, не успев зажмуриться – кто-то поспешно встал прямо перед ней и оттянул в сторону полу пиджака, прикрывая её от пыли. Эдакий странный рыцарский жест современного мегаполиса. На каком-то автоматизме воз-

никло желание отпрянуть, задержать дыхание, ожидая от такого близкого соседства с посторонним мужчиной запаха сигарет, алкоголя и ещё чего-нибудь не самого приятного, но на удивление слегка пахло изысканным неявным горьким ванильным парфюмом, запахом кожи? и... и всё. Подняв глаза, она увидела перед собой Максима. Он просто стоял перед ней. Никаких выраженных эмоций или же попыток заговорить снова. Совсем. Отряхнул одежду и молча на шаг отступил назад. Молчание было неловким и вызывающим у Катерины смутное беспокойство. Как будто она делает что-то не так, а точнее – всё не так. Режиссерский тупик. Выставляемые цепочки прогнозов развития событий рушились одна за одной, не совпадая ни на йоту с действительностью. Не было ни дешевого или агрессивного заигрывания, ни интеллигентного и красивого флирта. Ничего. Такое, пожалуй, впервые с её «играми разума».

Обладая природной проницательностью, Катерина всегда на автоматизме проигрывала вперед пару-тройку возможных сцен в различных обстоятельствах. Большею частью угадывая избитые многомиллионными повторениями жизненные банальные сценки, даже не дотягивающие до дешевых мелодрам. В жизни всё намного примитивнее и скучнее, да еще и сдобрено щедрым налетом разочарования.

Робкое женское нутро попыталось подать тоненький голосок – ну, почему всегда нет? Может-таки иногда просто «да»?

И при допущении этой, о, ужас, крамольной мысли, почему-то внутри затеплился приятный огонек. Почему всю жизнь надо соответствовать придуманной несуществующей по сути морали. И что самое обидное, эти принципы, как власяницу, она соткала собственными руками и взвалила сама на себя. Зачем и почему? – сама себе не могла дать ответ на эти вопросы. В этой же ситуации вообще всё пока было непонятно.

– И куда мы пойдем гулять? – внезапно очнувшись от размышлений, спонтанно пролистала до следующей главы книги развития событий Катерина.

Кавалер молча галантно отвел в руку сторону, обозначая направление.

Глава 2

Разговор завязался с обсуждения прихода Галины в ресторан, плавно перекинулся на десяток смежных тем и скакал сайгаком по калейдоскопу событий и интересов. Почти каждый поворот беседы скатывался к анекдотичным приключениям Спартака, и заканчивался обоюдным смехом почти до слез, а в случае с Катей и не почти. Первое впечатление оказалось верным: Спартак был взбалмошным неординарным любителем приключений с неиссякаемой страстью к любовным приключениям, что, собственно говоря, и доводило почти все его амурные романы до абсурдных комичных развязок. При этом, он являлся неплохим семьянином, отцом двух дочерей, и, как ни странно это звучит, по-своему любящим супругом. Жена знала обо всех его похождениях и уже, отчаявшись, махнула на неистребимый порок супруга рукой, расставив только некоторые ограничения и правила, которые Спартак неукоснительно соблюдал.

Проходя по старому центру Москвы, Катерина с эстетическим удовольствием рассматривала отреставрированные и запущенные старинные особняки, коснулась рукой чугунного узора кованной ограды.

– Хочется порой поговорить предметно обо всем этом, блеснуть знаниями, а их-то как раз не хватает. Хотя рядом с нами свидетели стольких важных событий! – проговорила она, рассматривая за забором закрытую, но красиво подсвеченную усадьбу-музей, – столько тайн слышали эти стены и, возможно, умеют они говорить, мы бы были вынуждены кардинально переправить учебники по истории.

– Увы, мне крайне стыдно, но я даже толком не могу поддержать беседу на данную тему. Вы правы, банально не хватает знаний, – несколько сконфуженно признал Максим и развел руками.

На исходе полутора часов вышагивания, по сути сделав большой круг по центру города, Катя поняла, что у неё пересохло в горле, нужно банально посетить дамскую комнату, да и ножки жалобно запросились домой, пытаясь напомнить, что они де с утра в активном использовании. Катерина остановилась и в лоб озвучила:

– Максим, большое Вам спасибо за такую неожиданную для меня прогулку и компанию, но я несколько устала. Как ни банально – я устала, хочу пить и... и домой.

– Первое легко решается, а по последнему вопросу робко и с надеждой предложу отвезти Вас, – предвосхищая бурный отказ, он быстро взял Екатерину под локоть, но практически её при этом не касаясь, слегка развернул и показал на светящуюся вывеску кофейни, – позвольте я Вас угощу кофе, раз Вы категорически отвергаете идею с возвращением в ресторан, – и тут же убрал свою руку, не дожидаясь возмущения спутницы.

Выбираясь из людского потока на набережной, Максим внезапно тихо рассмеялся и задал вопрос-утверждение:

– Вы водите автомобиль?

– Эээ... Вожу, – непонимающе ответила на внезапный вопрос Катя.

– Просто, двигаясь даже среди людей, Вы забавно периодически посматриваете словно в боковые зеркала – чуть-чуть вбок.

Катя засмеялась:

– Хватит меня анализировать и отбирать у меня хлеб! Это всё же моя работа.

– Ну, в бизнесе без анализа тоже далеко не уедешь. А кем Вы работаете?

– Уф, у меня сложно выговариваемая должность. Я заместитель руководителя департамента по оценке правовых рисков в банке, – выпалила на одном дыхании Катя и рассмеялась.

– Оу, как интересно. Вам нравится Ваша работа?

– Сложно сказать, есть проекты безумно интересные. Есть скучные, да еще и сложные при этом. По-разному. Но в общем да, работать в аналитической сфере – это моё.

На вопрос официантки Катерина, обрадовавшись наличию в меню экзотического напитка, выбрала чай хельбу, Максим слегка поднял бровь и сказал, что с удовольствием присоединится. Катя засмеялась:

– Почему же Вы не закажете стереотипный для данного заведения кофе? Мне почему-то кажется, что Вам этот напиток не знаком и совсем не понравится.

– Честно? – собеседник задумчиво ложкой помешал желтый чай с характерным пряным ароматом, словно по привычке размешивая несуществующий сахар, – Просто нагло повторяю за Вами, – и рассмеялся.

В этот момент Катя опять поймала на себя на мысли о том, что какие-то манеры и нотки в голосе Максима явно напоминают ей кого-то, словно наваждение. Нет, не кто-то конкретный, а словно смесь узнаваемых людей звучала в голосе собеседника. Не смущаясь, открыто рассмотрела при нормальном освещении его лицо: короткая стрижка не могла до конца скрыть попытки темно-русых с серебром волос закурчавиться, правильные черты лица, ореховые глаза, левая скула до виска покрыта старыми рубцами. Шрамы? Интересно от чего они? Красиво очерченные губы, гладко выбрит. Из эстетического любования её выдернули бурные эмоции Максима после первого глотка напитка. Он нахмурился, скривился, отодвинул чашку и с невообразимым искренним удивлением спросил:

– Вы и вправду с удовольствием ЭТО пьете?

Катерина рассмеялась:

– Я предупреждала, что Вам не понравится. Да, я пью с удовольствием.

Максима опять передернуло, что вызвало очередной приступ смеха:

– Это ж просто заваренные специи какие-то?

– Ну, отчасти Вы правы. Пажитник входит в состав многих приправ. – с наслаждением вдохнула пряный аромат, погладила тонкими пальцами горячую чашку, сделала глоток и продолжила. – Я этот напиток впервые попробовала в Египте, и реакция была как у Вас. Потом, спустя некоторое время с удивлением узнала про его лечебные свойства и пила как лекарство. Наверное, организм поставил тождественность: полезно значит вкусно, и я стала относиться к желтому чаю по-иному. Периодически, когда не хватает солнца и тепла, пью этот напиток, ассоциирующийся у меня с жарким Египтом.

– Интересно, с трудом, но заставлю себя попробовать еще раз.

Чай был выпит, Максим старался мужественно сдерживать свои эмоции от дегустации, заказан ещё раз, скулы болели от смеха – Катерина давно так не отвлекалась от реальности окружающего мира. Без подтекста и искусственного увода беседы в предполагаемых заранее направлениях.

– Мне и вправду пора домой, Максим. И, нет, я не приму предложения подвезти меня. Считайте меня ханжой или просто врединой, но на самом деле причина банальна – я живу в области, а туда быстрее добраться на общественном транспорте.

– Тогда мне придется бросить свою машину тут и вместе прокатиться на общественном транспорте. У меня нет морального права отпустить Вас одну. А вдруг хулиганы? Вам хорошо – Вы-то отобьетесь, а меня всю жизнь муки совести будут мучить?

– Вы всё шутите. А я серьезно, – внезапно погрузнев, она посмотрела на наручные часы.

– Какие шутки? Катерина! – искренне возмущился Максим, – Посмотрите вокруг, на улице темень кромешная. Вы и вправду думаете, что я могу Вас вот так отпустить и гадать, как Вы доберетесь домой? Считайте меня навязчивым и хамом, но либо я за Вами волоком буду плестись по всем видам общественного транспорта, либо я буду настойчиво... между прочим голосом почти самого Хабенского! ... и весьма навязчиво предлагать отвезти на своём

автомобиле. Торжественно обещаю, что приставать не буду, могу даже справку показать, что я не маньяк.

Отсмеявшись, Екатерина выдавила:

– Это же не серьезно! На машине туда ехать не меньше двух часов по пробкам!

Её лицо внезапно стало серьезным и несколько вымученно страдальческим.

– Максим, я... я не хочу Вас обидеть, но... Я просто собираюсь домой.

– Катерина, ну так позвольте мне просто отвезти Вас домой? – ровно той же интонацией абсолютно спокойно ответил он.

Довольно урчал мощный движок, съедая километры, тихо звучала аудиоподборка. В дороге Максим несколько раз сбрасывал телефонные звонки, Катя про себя гадала – супруга, любовница, друзья? Ох, уж это женское любопытно нутро. На вызов же Спартака (на экране вызова загорелась легкоузнаваемая даже с пассажирского места фотография) он ответил незамедлительно:

– Слушаю. Да... Не знаю. Нормально. Перезвоню позже... Да, без меня.

– Он Ваш лучший друг?

– Да, – на лице расплылась широкая искренняя улыбка, – он для меня и друг, и брат, и сват.

– У него такое необычное имя. Наверное, его родители историки или творческие люди, раз дали такое имя?

Улыбку словно внезапным всплеском воды смыло с лица Максима.

– Нет, просто такое стечение обстоятельств.

Беседа резко сошла на нет. Они ехали в неловком молчании. Внезапно Максим выпалил:

– А Вы на выставки ходить любите? В четверг вечером открытие благотворительной фотовыставки «Глазами детей». Эээ, организация, в которой я работаю, – с некоторой заминкой произнес он, – является одним из спонсоров этой выставки, и моё присутствие там необходимо. Возможно, после работы вечером Вы сможете подойти? Мероприятие обещает быть интересным, я видел образцы некоторых работ – очень нестандартно и весьма эффектно. Приходите, если хотите с подругой? Мистер Обаяшка там тоже будет.

– Скорее нет, чем да, – опять поперед мыслей вылетели отработанные шаблоны.

– Пожалуйста, не отказывайтесь сразу! Я Вам пришлю ссылку на программу – мне кажется, Вам должно быть интересно!

– *Пришлите* ссылку? – фыркнула Катерина, сделав акцент на первом слове.

– Мда, незадача, куда слать... Хотя, Спартак наверняка уже завладел контактами Галины. Можно через неё. Если так удобнее.

– Видно Спартак и вправду Ваш брат – по образу взаимодействия с женским полом.

– А, вот тут Вы ошибаетесь, точнее видите нетипичное для меня поведение. Для меня подобрать верную фразу в диалоге с Вами – прямо мучение. Я же вижу, что Вы просчитываете мои ответы на два шага наперед и буквально знаете, что я скажу. Из кожи вон лезу – стараюсь выпасть из Ваших шаблонов.

Екатерина даже приоткрыла рот от удивления. Такого она точно не ожидала. Сейчас он точно выпал из всех её шаблонов.

– Если хотите, перешлите информацию по выставке через Галину. Но с высокой долей вероятности нет, после работы очень хочется домой, я часто задерживаюсь, – далее хотелось ответить, что не надо ей предлагать встретиться с работы, но после угадывания манеры её общения теперь уж задумалась она, – ну и как мне теперь с Вами разговаривать? Вы сломали мою систему, – и рассмеялась.

– Вы знаете... Вы конечно же не поверите, но своим появлением в ресторане это Вы сломали мою систему. – Он включил поворотник, заезжая во двор. – Приехали и почти без пробок.

Максим угодливо открыл пассажирскую дверь и неожиданно громко сказал:

– Екатерина, огромное спасибо за сегодняшний вечер! Давно так душевно без привязки к делам не общался и не гулял. Ещё раз спасибо! Мне было безумно приятно познакомиться. Я очень буду ждать от Вас обратной связи по встрече на выставке. Приходите, я уверен, Вам там понравится.

– Я подумаю. Спасибо большое, что подвезли. И за интересный вечер. До свидания! – И несколько излишне стремительно вышла из машины.

Глава 3

Стоило ей скрыться в темноте подъезда, Максим набрал Спартаку:

– Спар, делай, что хочешь – возьми у Галины телефон Катерины, и вообще... всю возможную подноготную! Да, у меня всё нормально. Я скоро к вам подъеду, Вы всё там же?

– Да, мы всё тут же. Макс, я тебя не узнаю, – вкрадчиво промурлыкал друг, – я даже боюсь делать предложения. С тебя подробности. Номер достану.

Галина, будучи в приличном подпитии, была легкой на добычу информации. Но на вопросы о Кате она реагировала несколько странно, словно с некой горечью и нежеланием, хоть язык от алкоголя и заплетался:

– ... ты зря на неё нацелился... ну, или твой друг... ты просто никогда не сталкивался с такими, как она, людьми. Это же современная Жанна д'Арк, олицетворение вечной борьбы за правду и мораль, существующие только в её голове, – она смотрела в сторону, поджав губы с отрешенным видом, – Зачем твоему другу её номер? Она ни с кем не крутит романы, предупреди, хоть уж несколько лет, как вдова. Потому что это не-по-ря-доч-но.

Спартак вышел покурить и встретил подъезжающего Максима:

– Меняю номер на... эээ, некоторое объяснение. С каких это пор случайная незнакомая женщина «с улицы» может оторвать твой зад от общества своих друзей и завладеть тобой на несколько часов? В твоём любимом эскорте закончились устраивающие тебя спутницы? Не припомню, чтобы ранее видел у тебя подобную реакцию. Ты меня удивляешь и даже пугаешь, я жду подробностей.

– Я... себе-то не могу объяснить. Словно я увидел человека, с которым сто лет не общался, и накопилось много чего рассказать. Нет, не то... – и взгляд ушел в глубину.

– Может все же то? – игриво стал подтрунивать друг.

– Даже не начинай снова! – отрезал Макс ледяным тоном.

– Макс... Макс...

– Что? – прозвучало в ответ рявканье.

– Позволь дать совет?

– Не нуждаюсь я в твоих пикаперских советах, – Максим стал раздражительно-агрессивным, – зашёл в ресторан, там отмахнулся от желающих подойти спутниц, заказал себе кофе. Долго крутил полную чашку с рассеянным взглядом, иногда слегка расплывался в едва заметной полуулыбке, замечал это за собой и стирал эмоции с лица. Вернулся с шумным вздохом в компанию к Спартаку, закатил глаза:

– Ну, говори.

Улыбка чеширского кота сопровождала ответ:

– Женщина не должна засыпать в одиночестве.

– И что ты имеешь в виду в *данном* случае? – опешил Макс.

Спартак, лениво поцеживая виски, нарочито растянуто и нудновато стал учить неразумного друга:

– Вне зависимости от стадии отношений и... – выдержал паузу и сделал акцент, – вида отношений, женщина должна засыпать с мужчиной или физически, или с мыслями о нём. Это может быть сон в объятиях друг друга после секса, или смайлик перед сном в сообщении, копеечный подарок или изысканный комплимент в телефонном разговоре, но последним ощущением в этот день должен быть ТЫ в любой ипостаси. Ну, если, конечно, тебе эта женщина интересна.

Максим продолжал крутить недопитую чашку кофе, несколько раз подносил ко рту, наконец с шумным вздохом отставил назад:

– Ох, ты не представляешь, насколько это всё не моё!

Спартак встал, отодвинул несчастную чашку подальше, отправил со своего телефона контакт, бесцеремонно выдернул из кармана Максима его телефон, протянул ему в руки и буркнул: – Звони. И не облажайся.

Екатерина с удовольствием скинула обувь, одежду и забралась в ванную, аж зажмурив глаза от удовольствия. Тело ныло от долгой прогулки, как же хорошо, что впереди ещё один выходной, можно просто отдохнуть и отоспаться! Интересно, как там Галка, совсем окунулась в омут с головой или ещё сохраняет остатки разума. Мысли прыгнули на неожиданное знакомство со Спартаком и Максимом. Типаж первого ей был очень знаком, очень комфортно с такими людьми в любой компании, и дружба с ними складывается неплохо. Но любовные связи яркие, стремительны и недолговечны. А вот Максим пока для неё загадка, никакое клише на него с легкостью не клеилось.

Дозвониться до Гали удалось с третьего раза, в динамике грохотала музыка, голос подруги можно было едва расслышать. Несколько заплетающимся голосом та вещала, что у неё все просто замечательно и о ней можно не беспокоиться. И что Катька невероятно глупая особь женского пола, раз отказалась от такого замечательного продолжения вечера. Стоило дать отбой, как высветился вызов с незнакомого номера:

– Катерина, я хочу попросить у Вас прощения, – скороговоркой выпалил опять знакомый дикторский голос на фоне шума улицы.

– Э-э, Максим?

– Да. Я знаю, что Вы будете сердиться за этот звонок. Поэтому, поругайтесь, пожалуйста, сразу.

Катя набрала воздуха в грудь и рассмеялась на этих словах, расплескав воду в ванной.

– Максим, я мысленно Вас перехвалила за сдержанность и соблюдение приличий. Чем обязана столь позднему звонку?

– Вы меня мысленно нахваливали? Значит день прошел не зря! Екатерина, если серьезно, мне очень стыдно, что я, а точнее Спартак, вынужден был выуживать у Галины номер Вашего телефона. Но, я просто побоялся, что Вы на выставку не придёте, и мне придется коротать весь вечер в обществе старых зануд. И некому меня будет спасти. Приходите, пожалуйста, даже если Вы задержитесь на работе. Я Вам сейчас сброшу ссылку и... ещё раз спасибо за вечер. Всё, у меня нужные слова кончились.

– Я Вас услышала, нового ничего не скажу. И обещать не буду. Спокойной ночи, Максим. Передайте Спартаку, чтоб Галя не обижал.

– Что Вы! Несмотря на ветреность и непостоянство, более галантного человека сложно найти. Гарантирую Вам, что ничего дурного с подругой не произойдет.

Затянулась пауза, Максиму пришлось выдавить: «Спокойной ночи», и с желанием шмякнуть трубку на землю от неловкости, услышал повторное ответное прощание и дал отбой.

Начало недели на работе выдалась бурным и быстро выветрило весь позитив от прошедших выходных и новых впечатлений. Её шеф, Сергей Борисович, превзошёл себя по количеству поставленных задач. Катерина, забыв про обед, не отрывала головы от бумаг и монитора.

В среду к концу рабочего дня Галя взорвала размеренный ход событий как всегда бурными воплями в трубке:

– Ты же идешь? Слушь, меня осенило, а мне нечего надеть! А ты в чем пойдешь? Погода вроде хорошая на завтра, как думаешь, в открытых туфлях нормально будет или осенью это уже не очень? Кааать? Ты же идешь? – несколько угрожающе закончилась тирада.

– Галь, ты хочешь верь, хочешь нет, у меня вообще из головы вылетело приглашение, если ты про выставку. Я никуда не хочу идти, у меня неделя на работе сумасшедшая. Борисыч

генерит новые задания со скоростью пулемета. Одно желание на этой неделе – дожить до пятницы. С Сашкой хочу созвониться, может с ней пересекусь в выходные.

– Оставь ты свою дочь! Она уже взрослая. Ты её обязываешь встречами почти каждые выходные, отпусти в более свободное плавание. А на выставку мы просто должны пойти! И не надо меня попрекать очередным увлечением... Да! Меня безмерно увлек этот Спартак. Но при всё этом у меня остатки мозгов есть, – с некой горечью прозвучало отступление, – и я прекрасно понимаю, что мы бурно с ним проведем пару – тройку недель в лучшем случае и... потом всё. Но, чёрт побери! Я хочу бурно провести эти грёбанные пару недель! А ты... пожалуйста, Кать, пожалуйста! Не обламывай меня! – почти плача, закончила тираду Галина.

– Галь, ты же можешь прекрасно пойти и без меня.

– Ну ты же очень любишь выставки всякие разные. Давай сходим, а? Если не понравится – уйти ж всегда можно, ты ведь сама всегда так говоришь? Ведь ты же понимаешь, что приглашают в первую очередь тебя. А меня так... в качестве довеска.

– Ну, Галь, что ты выдумываешь, – более примирительным тоном ответила Катерина.

– А что ты наденешь? – повеселевшим ожившим голосом вопрошала трубка, почувствовав слабинку в голосе подруги.

Глава 4

Подруги, выбираясь из метро, пробирались сквозь толпу уличных промоутеров. Галя, запыхавшись, с торчащими в руках листовками семенила за Катериной:

– Блин! Вот как у тебя так получается?

– Что?

– Я себя чувствую плебеем рядом с императрицей! К тебе никогда никакая шушера не липнет! Идешь, не замаравшись, а меня вечно развести пытаются.

– Ну, если плебей, то уж рядом с патрицием, – поддела подругу Катерина, – И вообще, где слов-то нахваталась таких! К выставке что ли готовилась? – рассмеялась Катерина, никак не комментируя сути возмущений Гали.

Перед выставочным залом был аншлаг из автомобилей и разномастной публики. Увидев плотную толпу, Екатерина с сомнением предложила Гале пока не поздно, повернуть обратно. Но в ответ услышала возмущенное громкое шипение, и подруга под локоть потащила её вперед как паровоз.

Вход на открытие выставки был по приглашениям, но у Катерины с Галиной их не было. Первая ругала себя за неосмотрительность, что не хватило ума узнать про это заранее или списаться с Максимом, вторая собиралась названивать новоявленному избраннику, но тут при входе взгляд выцепил высокую, уже знакомую фигуру в строгом темно-синем костюме. Максим стремительно продвинулся сквозь толпу к дамам, угодливо взял обеих под локоть, при этом опять умудряясь сделать свои касания едва ощутимыми, и просто провел через контроль безо всяких объяснений.

– Как же я рад вас видеть, дамы! Вы даже не представляете!

– Максим, Вы всё это время стояли у входа и высматривали нас?

– Могу соврать, могу ответить «да». Какой вариант предпочтительнее?

Ответом был смех.

Галина вертела головой и только собралась выдать вопрос, как Макс его предвосхитил:

– Галина, мой друг сожалеет об опоздании на это мероприятие, но у него затянулась деловая встреча. Я предполагаю, что в течение получаса он должен уже будет подъехать. Давайте пройдем к экспозициям, там немного тише.

Екатерина обратила внимание на то, что почти все приглашенные подходили к Максиму с персональным приветствием, и очень часто озвучивали слова благодарности. Интересно, чем он конкретно занимается, надо будет спросить напрямую или через Галю и Спартака. Максим несколько отстал, беседуя с гостями, женщины прошли далее вглубь залов.

Фотоработы действительно были интересными. Классическими и нестандартными. Возле ряда работ со снимками детей из неблагополучных семей, детей в детских домах, стояли представители благотворительного фонда, раздавали буклеты, рассказывали о мерах поддержки. Катерина видела, что достаточно большое количество приглашенных обсуждало, как можно адресно оказать помощь. Мысленно была поставлена ещё одна положительная зеленая галочка.

Центральная в данной экспозиции была черно-белая фотография с крупным планом пронзительного взгляда чумазой девочки, глядящей через забор детского дома на мир во вне. Забор из мешанины неотесанных грязных досок, остатков мебели и сетки – рабицы. Мысленно волей-неволей дорисовывались условия, в которых содержатся дети в том детском доме. Сбоку висела статистика: сколько детей в год попадает в детские дома, сколько обретает новые семьи, сколько возвращается обратно.

Сзади раздался голос Максима:

– После презентации этой серии работ фотографа Юлии Криницыной, она, кстати, тоже сюда приедет и с ней можно будет познакомиться, невероятно, но в этом регионе процент

усыновления вырос почти в два раза. Включая детишек с тяжелыми диагнозами, которые ранее были обречены доживать свой век в социальных домах. А конкретно для этого детского дома нашлись меценаты, проспонсировавшие ремонт и закупку мебели, игрушек, учебных пособий.

– С огромным удовольствием познакомлюсь с таким замечательным фотографом!

– А вот ещё интересные работы... Дамы, угощайтесь шампанским.

Екатерина только сейчас обратила внимание, на фуршетные столики и многочисленный обслуживающий персонал, разносящий напитки и легкие закуски. Автоматически стала отказываться, пока не увидела угрожающий взгляд подруги. Пришлось взять бокал для поддержки.

– О! Не верю своим очам! Вы пришли! Это улада, сглаживающая все неровности моего сегодняшнего дня! – раздался приближающийся неподражаемый голос Спартака.

Он смачно чмокнул Галину в щеку, почтительно и демонстративно взял руку Катерины и едва коснулся поцелуем её пальцев.

– Предлагаю наибанальнейший тост – за встречу! – и поднял фужер с искрящимся напитком.

Вечер пролетел, насыщенный такими же искрящимися впечатлениями. Много интересных знакомств, блестящие фотоработы, душещипательные истории, скрывающиеся за некоторыми фотокартинами. На исходе третьего часа Галина окончательно и бесповоротно пропала из поля зрения, часть приглашенных стала расходиться, вереница нескончаемых благодарящих Максима за организацию и поддержку людей наконец начала иссякать.

– Максим, а кем Вы работаете? – наконец-то в лоб задала Катерина интересующий её вопрос.

– Я работаю... хм, в Группе компаний, в которую входит и инвестиционный фонд, который поддержал эту благотворительную акцию.

«Он сказал где, а не кем», – по привычке отметила про себя Катя. Пауза, Максим внимательно посмотрел ей прямо в глаза:

– Я руководитель этой Группы компаний.

– Ого, тогда понятно, почему столько людей к Вам подошло с благодарностями.

– Вам понравилась выставка?

– О, да! Я даже не ожидала, если честно. Интересные работы, смешанные впечатления, и... вкусное шампанское! – искренне улыбнулась Катерина.

– Вы, наверняка, устали. Мне бы очень хотелось Вас пригласить на ужин, – и предвосхищая отказ, выставил вперед обезоруживающе руки, – в любое заведение, куда Вы согласитесь.

– Вы правы, я устала, но при этом и проголодалась, так что даже не буду делать вид, что отказываюсь.

Ресторан на Чистых Прудах, несмотря на многолюдность, был уютным и каким-то тихим, благодаря удачному разделению на зоны. Максим и Екатерина с большим азартом обсуждали запомнившиеся работы с выставки, выступления представителей организаторов выставки, реакцию публики на мероприятие. Разговор веселым ручьем энергично перетекал по разным темам, всплескивал радостными эмоциями, неожиданно сворачивая в разные русла. Время незаметно подкралось к «пора спать». Максим, даже не слушая никаких аргументов Катерины, отвез её домой. Пара, переполненная позитивом, тепло рассталась у дверей Катиного дома. Стоило Катерине коснуться подушки, как экран телефона, точно угадывая момент, засветился пожеланием спокойной ночи.

Глава 5

В пятницу, на удивление, на работе наступило затишье. Шеф улетел в незапланированную командировку, не успев, по традиции отсыпать новых заданий, благодушно на прощанье махнул рукой – пятница, работай в лайт—режиме! В обед Екатерина позволила себе прогуляться недалеко от офиса. Сегодня всё словно играло новыми красками. Она шла и улыбалась, слушая хорошую музыку, вспоминая последние эмоции.

Даже хмурое низкое осеннее небо казалось почему-то необычайно фактурным и по-своему красивым, оттеняя контрастным фоном позолотившиеся верхушки клёнов. Словно гигантской бороной пропахали небосклон и облака возмущенно вздыбились ровными грядами. Изодня в день проносясь по одному и тому же маршруту, она давно перестала обращать внимание на мир вокруг.

Внезапно накатила грустная философская мысль, что и вся жизнь проносится размытым пейзажем за окошком автомобиля. Кто едет по жизни в машине премиум-класса, кто эконом, но все несутся, по сути, мимо чего-то главного и важного, не видя деталей. Хорошо, если иногда удается делать остановки. Всего два необычных вечера стали ярким контрастом к размеренной и стабильной, но серой жизни. И по их окончанию стало как-то горько и пусто. Кажется, она начинала понимать Галю, которая отказывалась следовать обыденному ритму жизни, а все время искала себе приключенческий любовный допинг.

Ближе к вечеру раздался звонок от Максима с неожиданным предложением:

– Доброго вечера! Предлагаю завтра вечером просто погулять по Москве, дождя вроде не обещают, а есть интересная задумка. Нет-нет. Это не официальное мероприятие, и вообще даже не мероприятие! Удобная одежда и обувь приветствуется! – и словно вчерашний тёплый вечер сразу перетёк в завтрашний, также легко и непринужденно, как и «Вы» превратилось в более уместное «ты».

Несмотря на её протесты, Максим заехал за Катей домой. Стоя у подъезда, наблюдал из автомобиля за группой бомжеватого вида товарищей, столпившихся у подъезда. Дверь открылась, Катерина вышла, Максим напрягся. Но часть неблагонадежных товарищей расступилась, а часть даже поздоровалась. Максим удивленно улыбнулся.

Не раскрывая подробностей своей таинственной задумки, довез до Бауманской, и там таинственно сказал:

- Пошли изучать Кукуй.
- Что-о?

А далее характерным дикторским голосом, словно профессиональный гид, Макс стал рассказывать про немецкую слободу в Москве, предметно указывая на места, где раньше кипела совсем другая жизнь. Ёмкие истории, интересные факты, словно дождём смывали современный облик Москвы, обнажая постройки 17 века.

– ... до сих пор нет единого толкования названия этого места. Версии разнятся от иностранного заимствования до срамных ругательств русских крестьян в адрес немцев. А подлинный расцвет Кукую подарил Петр I, который по молодости проводил там больше времени, нежели в Кремле.

– Макс, подожди-подожди!!! Откуда ты всё это знаешь? – спросила в какой-то момент непрекращающегося вещания крайне изумленная Катерина.

– Честно? Я подготовился. Благо на просторах Интернета есть практически любая информация. Ты же говорила, что хочется восполнить пробелы, но не хватает теории... вот, – и смущенно развел руками и обезоруживающе улыбнулся.

– У меня просто нет слов, – ошарашенно в восторге ответила Катя, – Спасибо, такой емкой экскурсии у меня не было даже с профессиональными гидами. А я уж подумала, что ты родом именно с этого района Москвы и посему знаешь об этом месте так много. А давай как-нибудь ты и вправду покажешь мне места, где ты рос? Ты же коренной москвич, как я поняла?

Пауза почему-то была чуть дольше положенного. Максим с отстраненным взглядом потеребил браслет часов, расстегнул, застегнул, словно он мешал:

– Когда-нибудь потом. Возможно. Пошли лучше поужинаем? – фразы странно спотыкались, и задавать больше вопросов не хотелось.

– Пошли, только в какую-нибудь забегаловку попроще. Я в джинсах и кроссовках в ресторан точно не пойду.

Максим за ужином стал расспрашивать Катерину о её жизни, и беседа вновь расправилась.

– Я выросла в небольшом военном городке в Ростовской области. Пришлось переехать в лихие девяностые в Москву, чтобы поступить в ВУЗ. Тут отучилась и осела, устроилась на работу, вышла замуж. Первые годы моталась на свою малую Родину проводить родных, близких. Так не хватало солнца, тепла и... ласточек, – Катерина мечтательно улыбнулась, вспоминая свои детские ощущения, – которые орут о лете, начиная с мая. Перестала туда ездить, когда родителей не стало. И в тот момент осознала, что за все эти годы не смогла полюбить Москву. Рассматривая её только в качестве сосредоточения финансов и возможностей, бетона и стекла. Показушно красивая, дорогая, но всё равно чужая. А вот года три назад наш офис переехал на Курскую. В обед иногда удавалось выйти, прогуляться, вглубь старых районов. Набережная, особняки, какие-то отреставрированные, какие-то обветшалые, окна, ушедшие наполовину под землю. Сколько наслоилось поверх старых дорог! И поняла, что прониклась Москвой. Для меня она перестала быть безликой, стала одушевленной, с реальной своей жизнью. Словно другими глазами теперь смотрю на этот город и не понимаю, как раньше могла не видеть всю его красоту!

Максим на мгновение коснулся её ладони:

– Я очень рад, что именно в тот вечер вы с Галиной решили прогуляться по Москве.

И снова ставшая слишком быстрой дорога домой. Катерина поймала себя на мысли, что ей очень нравится аудиоподборка композиций, звучащая в машине. Они были очень разные по стилю, но при этом гармонично сочетались и соответствовали настроению. На одном из треков Катерина прислушалась, попросила сделать громче:

– Что это за мелодия?

– Линдсей Стирлинг, кажется трек называется Underground.

– Феерично! А можешь включить еще раз?

– С удовольствием.

И всю оставшуюся дорогу они посвятили обсуждению музыкальных пристрастий друг друга и конечно же памятуя то и дело всеуездесущего Спартака, с его якобы ужасным вкусом.

Сначала Галка конечно же щедрила остротами в сторону внезапного Катиного знакомства, потом обратили внимание коллеги и даже Борисыч стал подтрунивать – больно глазки горят, да полуулыбка не сходит с её лица, а тут даже Сашка за вечерним чаепитием, лукаво улыбаясь, спросила:

– Ма, ты на себя не похожа. У тебя что-то интересное намечается?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не знаю... Просто ты стала такая загадочно-рассеянная. Боюсь даже спрашивать. Ты влюбилась что ли?

– Вот чего выдумала. Нет, даже и близко нет. Просто весьма необычное знакомство с приятным человеком.

– А, – многозначительно кивнула дочь, посмеиваясь, – ну, как бы ты это не называла, тебе максимально идет твое новое состояние. Ты прям светиться стала.

– Это прям так заметно? – в притворном ужасе спросила Катерина, прижимая руки к щекам.

Вместо ответа Саша рассмеялась, чмокнула мать в щеку и стала прощаться и собираться, столкнувшись у дверей с Галиной.

– Галь, ты б хоть предупреждала! – с укоризной буркнула Катя, заваривая во второй раз чай, – Как татарин вваливаешься!

– Ха-ха! Спасибо за радушный прием, – беззлобно сострила в ответ подруга, – между прочим я вкусняшек к чаю прикупила.

– Окей, если с вкусняшками пришла – тогда простительно, располагайся!

Обе рассмеялись. Через некоторое время Галя внезапно спросила:

– Катюх, а ты Серегу любила?

Катерина опешила:

– А к чему ты об этом сейчас спрашиваешь?

– Нет, ты просто ответь, какие чувства были у тебя к Сергею? Не на момент свадьбы, а, в последние годы?

Катерина надолго замолчала, стала вертеть чашку, пролила чай, засуетилась, убирая. Галина встала, приобняла подругу за плечи и посмотрела прямо в глаза:

– Ответь, пожалуйста!

– Наш брак умер задолго до того, как разбился Сергей. – внезапно тихо призналась Катя, вымучивая фразы, – Я и не заметила, как он утратил для меня роль мужа... Отношения между нами угасли тихо и незаметно. Все было чинно, правильно и невозможно скучно. Мы это с ним не обсуждали, но, думаю, оба думали, что мы слишком порядочны, чтобы ходить налево или инициировать развод. И продолжали просто сосуществовать рядом последние годы.

– Катюш, ты извини, что я ковыряюсь в такой интимной части твоей жизни, но... я почему тебя спросила, чтобы ты сама себе прежде всего ответила на много вопросов. Я тебя впервые за долгое-долгое время вижу с горящими глазами и с накатывающим девичьим румянцем. Я всегда думала, что у тебя был образцовый брак, а сейчас вижу, насколько ты можешь быть другой, яркой, живой! Ты влюбилась в Максима?

– Влюбилась? Вряд ли... Ножки не подкашиваются. Сердечко сильнее не стучит. Но знакомство это крайне приятное, отрицать не буду.

– Я просто хорошо тебя знаю, госпожа Холодное сердце. Ты сама своим ножкам и сердечку не даешь волю. Вот они по стойке смирно у тебя и стоят. И, ты думаешь, люди вокруг тебя этого не чувствуют? Поэтому и получается двойная непробиваемая дистанция. Дай шанс вашим отношениям с Максимом. Просто немного растопи свой ледяной забор.

– И как ты мне это предлагаешь сделать? В постель что ли прыгнуть сразу? – фыркнула гневно Катерина.

– Фу на тебя! Пошлость тебе не к лицу. Просто нельзя быть слишком сильной, умной и порядочной такой. Ослабь самоконтроль.

– Даже не знаю, как реагировать Галь! Ты порой как скажешь... Я себя порой после твоих речей ущербной ощущаю, – повертела на пальце левой руки обручальное кольцо, задумчиво продолжила, – если честно, я просто объективно не понимаю, зачем этому богатому мужику такое спонтанное знакомство со мной.

– Как это зачем?

– Ну, я ж могу трезво мыслить и вижу, что какой бы я не была красавицей, да разумницей – вокруг есть более молодые, красивые и прочее. Галь, мне скоро будет сорок! И им никак не тягаться с двадцать.

– Дуреха ты, Катя, хоть тебе почти и сорок. Помимо сухих биографических фактов, у людей существуют чувства. А ты все пытаешься обличить в логические взаимосвязи и цифры. Надо верить своему наитию. А оно у тебя светится!

Катя со смехом закатила глаза:

– Ладно, давай уж закругляться, психолог ты наш, посмотри на часы. Завтра понедельник, всем на работу.

А сон, как на зло, уступил место размышлениям. Богатый симпатичный ни разу не женатый мужик (если верить информации из Интернета, и от Галины со Спартаком) – уже странное сочетание. Да ещё не требующий от их странного спонтанного знакомства ровным счетом ничего. Нутро искало подвох, подсовывало и отметало самые нереальные версии, но не могло найти итоговый вариант, сдалось и заснуло.

Глава 6

Телефон мурлыкал разномастными сообщениями от Максима. То забавное фото, то при- сланный трек с требованием оценить, то показное шутивное нытье на загруженность или, наоборот, скучный день. Катерина и сама не заметила, что общение с Максимом стало просто неотъемлемой частью её дня. Каждое интересное событие бережно откладывалось в отдельный отсек памяти для последующего обсуждения с Максом.

Порой, ей даже казалось, что у него слишком много свободно времени. Пока он, услы- шав этот намек, не отправил ей однажды фото, явно сделанное во время совещания и одномо- ментной переписки с ней, с комментарием: «Работаю, не покладая рук». Пару раз на неделе им удалось выкроить время, чтобы пообедать вместе. В первый раз Максиму непременно хотелось встретить её у офиса, но она настояла, чтобы они пересеклись у большого двухэтажного юве- лирного магазина недалеко от офиса, так как там удобная парковка и как раз рядом небольшое кафе.

Он задумался – она смущается знакомства с ним и не хочет, чтобы коллеги их видели вме- сте? Или же на работе есть кто-то больше, чем коллега? От этих мыслей почему-то стало крайне неприятно. За обедом его телефон практически не замолкал, и Катя с удивлением видела дру- гого Максима, а точнее Максима Игоревича, главу крупной компании, бизнесмена. Холодный, властный голос, неприятные приказные интонации, четкие отрывистые фразы, бесконечные указания. Даже мимика лица была совсем иной.

А по окончании разговора возвращается её приятель Максим, пытающийся шутить, до сих пор максимально соблюдающий дистанцию с ней.

В кафе ввалилась шумная компания и с галдежом подошла к их столику:
– О, Катерина! Тоже тут! Давайте вместе сядем!

Максим напрягся, понимая, что это коллеги Екатерины пришли на бизнес-ланч, и рев- ностно выглядывал в толпе потенциальных соперников. Но Катерина категорично махнула рукой и одной шутивной фразой разрешила все сомнения:

– Садитесь как можно дальше, пожалуйста! Дайте мне наконец с другом пообщаться! Вы мне на работе надоели, чтоб еще и тут с вами сидеть!

В ответ раздался хохот, и компания действительно уселась подальше. А Максим смаковал про себя слова Екатерины про друга и чувствовал от этого себя просто замечательно! Надо всё же последовать совету Спартака и покопаться в себе. Он максимально спокойно жил все эти годы, применяя непоколебимое правило «или только секс или всё остальное, но не смешивать». А тут непонятный всплеск собственных ощущений, природу которых он никак не мог понять. Из задумчивости его выдернул Катин голос:

– Как у тебя на работе сегодня дела?

– С утра было весьма бодро, но к обеду отстрелялся, что позволило выкроить время для ланча с тобой. Сейчас горячая пора, период закрытия большого количества проектов. И помимо рабочих процессов, часто еще это сопряжено с публичными мероприятиями. У тебя как?

– У меня к сегодня, к счастью сегодня работа с новым контрагентом. Люблю старт и ана- лиз с нуля.

– О, а какой анализ ты можешь сделать относительно меня? – Максим лукаво сощурил глаза.

– А относительно твоего анализа – я на обеде. И во время еды стараюсь работой не зани- маться! – бойко ответила Катерина, внешне особо не задумываясь над ответом. Максим засме- ялся и попросил счет. А Катя, поблагодарив, прокручивала в голове – если б ты знал, насколько

подробный анализ по твою душу я прогоняю почти каждый день и не черта в этой ситуации не понимаю!

На пятницу было намечено официальное вручение премии «Лучшая Валютная стратегия», которую третий год подряд брал его инвестиционный фонд. Максим уже уговорил Екатерину пойти с ним, отбросил все тщетные попытки покопаться в себе – ибо они никакой ясности не приносили, только порождали еще больше вопросов.

Против обыкновения Кате в этот вечер никуда идти не хотелось. Противнейшее ощущение, что «что-то не так» не давало покоя. Она позвонила уже и Сашке, узнать, всё ли у неё в порядке, и еле отделалась от Галки после аналогичного звонка. А наитие продолжало не отпускать. Максим как чувствовал, позвонил заранее уточнить, в сила ли их поездка, пришлось сдерживаться, чтобы не придумать причину и не отказаться. В машине беседа не клеилась, музыка раздражала, Максим, с озабоченным видом включил аварийный сигнал, съехал на обочину, остановил машину. Внимательный взгляд, молчание. Хотелось сквозь землю провалиться – устроила подростковое шоу под названием «Всё плохо на ровном месте безо всякой причины». Макс взял её обе руки в свои:

– Кать, как ты себя чувствуешь?

– ... да, в принципе, нормально... только весь день изводит противное ощущение, что что-то нехорошее произошло или должно произойти. Нервничаю, сама не знаю, как отделаться от этого.

– Понимаю, знакомо. Если совсем плохо – могу отвезти домой.

– Ой, ты ж тогда не успеешь к вручению, не надо, – с напряженным лицом вымучила Катерина, – сама себя не узнаю. Буду считать, что схватила вирус простуды, и это он так себя проявляет. Давай поедем уже, а то опоздаем, жутко неудобно.

– Точно? – искренний участливый взгляд буравил так пронзительно, что почему-то хотелось уткнуться в жилетку и, хлюпая носом, рассказать какую-то выдуманную трагедию. И чтоб тебя жалели и сочувствовали. Может это результат последнего Галкиного нравоучения?

Екатерина зажмурила глаза, шумно сделала несколько вдохов, стряхивая наваждение:

– Да, точно. Едем.

К счастью официальная часть оказалась лаконичной и весьма быстро закончилась, далее традиционный фуршет, деловые и не очень беседы в неофициальной обстановке. В залах было очень шумно, встречались и уже знакомые по ранним мероприятиям лица, но в основном это была вереница незнакомцев, таких разных и очень говорливых. Как Максим ни старался не покидать свою спутницу, всё же Катя осталась в какой-то момент одна среди толпы и, взяв поднесенное официантом шампанское, отошла в сторону витиеватой лестницы, где поменьше людей. С любопытством сверху рассматривала разношерстный контингент: творческие личности в невообразимых богемских нарядах, люди, старающиеся подчеркнуть свой материальный статус всеми возможными способами, странные, не поддающиеся классификации личности полубандитской наружности и нескончаемые вереницы дам на любой вкус и цвет.

Максим глазами нервно искал Катерину в толпе, нашел и застыл на мгновение: она была настолько ДРУГОЙ среди всех этих людей. Строго собранные темного золота волосы, тёмно-алая помада, точеный профиль, белая рубашка и черные широкие брюки-палаццо с высоким атласным черным поясом, словно возводящие её на пьедестал. Тонкие пальцы небрежно держат полный бокал. Словно...

– ... Лебедь среди павлинов? – раздался рядом голос Спартака.

– Прости, что? – пожал руку Макс, – что ты сказал?

– Я сказал, что твоя дама тут словно лебедь среди павлинов. Я бы на твоём месте её надолго одну не оставлял, пошли, я поприветствую её.

Не успел Спартак рассыпаться в словоблуде, подходя к Екатерине, как со стороны послышался неприятный хриплый женский голос:

– Максуююша, как я рада тебя наконец-то видеть! Ты словно от меня прячешься последнее время.

Ещё не поворачивая головы, Екатерина поняла, что это не просто неприятный голос или случайная встреча. Именно ЭТО причина того, что беспокоило её весь день. Будет что-то плохое. Когда, где и что – вопрос. Но будет.

Спартак засуетился, представляя подошедшую компанию. Источником хриплого голоса была высокая стройная жгучая брюнетка с острыми хищными чертами лица.

– А это Яна, наша давняя знакомая, – представил её Спартак.

– Давняя знакомая? – Яна закинула голову и засмеялась сипло. Вместе с ароматом пряного парфюма и алкоголя запахло несвежим табаком, – ну-ну, дружок, я тебе это припомню, – и фамильярно потрепала Спартака за щеку.

После этого смачно со звуком поцеловала Макса в щеку как можно ближе к губам, буквально повиснув на нём. Было ощущение дешевой театральщины, хотелось немедленно уйти. Екатерина, с застывшей полуулыбкой пыталась понять, с чем же ассоциируется эта женщина у неё. В голове внезапно всплыло лицо персонажа из детского фильма – точно, вылитая Анидаг!

– Ааа, так это твоя *новая* знакомая? – демонстративно оглядела Екатерину Яна, делая акцент на слово «новая» при этом откровенно прижимаясь к Максиму бедром и занырнув под его руку.

Максим, не проявляя никаких эмоций (эх, как бы отсыпать себе его терпения), спокойно высвободил свою руку, подошел к Екатерине, как в стереотипной театральной сцене, взял её под руку и спокойно сказал с жирной точкой в конце:

– Здравствуй, Яна. – интонационно давая понять, что общение, как минимум на сегодня, окончено.

Даже на смуглой коже брюнетки проступили красные пятна, она приоткрыла рот, набрав воздух, понимая, что этой простой фразой её просто отфутболили, но тут под танк с гранатой бросился вездесущий Спартак, подхватив Яну и её спутницу под руки и буквально насильно повел их в сторону, нарочито громко шепеча.

Максим невозмутимо повел Екатерину вглубь фуршетного зала:

– Ты как-то встречались уже с Юлией Криницыной? Она сегодня также приглашена и вспомнила о тебе, не против подойти к ней?

– Да-да, – несколько рассеянно пробормотала его спутница, продолжая ощущать горькой послевкусие этой короткой, но почему-то крайне неприятной сценки.

Юлия, моментально перейдя на «ты», мигом своим жизнелюбием сбросила хмурую пелену с Кати. Невысокая, со светло-рыжими длинными волосами, без косметики, с неразлучным фотоаппаратом на шее – эдакая вечная задорная девушка-подросток. Её сочное описание проектов, проделанной работы, живые истории, последние новости, вовлекли в иной мир, выдернув из накатившей хандры.

– Катюш, а давай-ка ты поучаствуешь в нашем проекте тоже? Я почему-то абсолютно точно уверена, что у тебя получится! Нужно всего лишь написать статью, точнее заметку. Нет-нет, не пугайся, я тебе накидаю тезисы, и ты, прям от своего лица напишешь свои ощущения от прошлой фотовыставки и той работы, которую мы проводим? Всё-всё взаправду, будто подружке пишешь? Я тебе потом покажу твои цитаты, на которые хочу сослаться, и при твоём согласии, пустим их в работу? Мы, порой, уже всё пишем и публикуем замылено, а у тебя свежий взгляд со стороны, искренний!

– Я, право, не знаю... я в полной растерянности.

– Я же слышу по твоей речи, как ты сможешь написать! Пожалуйста, – по-детски протянула Юлия и даже чуть дернула руку Катерины. Ну как есть ребенок!

– Тебе невозможно отказать, – с удивлением рассмеялась Катя. Они по сути были едва знакомы, но Юлия, своим сумасшедшим неиссякаем позитивом просто освещала и заражала всех вокруг.

Время подкрадывалось к полуночи, все стали расходиться.

– Немного отпустило? – спросил Макс, помахав очередной отъезжающей машине.

– Да, знаешь, после общения с Юлией, прям на противоположный курс сменилось настроение. Она гиперпозитив!

– Соглашусь. Она действительно лучистый добрый человечек.

Дорога домой была быстрой – пробок к этому позднему времени уже не осталось, казалось, что приехали даже слишком быстро. И поговорить-то толком не успели. Катерина с улыбкой заметила, что в аудиоподборке в машине Максима явно добавилось композиций тех исполнителей, которые ей понравились в прошлый раз. Максим, открывая дверцу Катерину, подал ей руку. Но против обыкновения, не позволил ей скоротечно скрыться в подъезде, придержал немного и поцеловал в щеку, совсем близко к уголку губ. Катя замерла, пытаясь понять свою реакцию, уловив, что кровь прилила к лицу, улыбнулась и, попрощавшись, неизменно скрылась в подъезде.

В этот раз она опередила Максима и первая пожелала в мессенджере спокойной ночи. И эти два человека улыбались и задавали себе такие разные, но одинаковые по сути, вопросы. И никак не могли найти ответы.

Глава 7

Яна была невозможна, что на неё нашло! Она просто изводила его звонками, письмами. А тут умудрилась даже к нему в офис припылить. Чтобы не раздувать скандал при людях, пришлось выйти с ней на обед:

– Ян, что ты творишь? Что на тебя нашло? Какого черта? С чего это ты играешь ревнивую возлюбленную? – едва сдерживая злость, прошипел Максим.

– Макс, ты же знаешь, что я искренне тебя люблю. Мы сколько лет знакомы? И если у нас всё закончилось, не успев начаться, это не означает, что совсем никаких отношений не было. Я просто переживаю за тебя, вижу, что ты увлекся сильно.

– И почему тебя это волнует?

– Я не хочу тебя потерять как друга, одно дело твои купленные спутницы для тела, а другое дело то, что я вижу сейчас.

Максим рассмеялся в голос, попросил счет, и, не притронувшись к еде, ультимативно закончил разговор сквозь зубы, уходя:

– Ян, я даже не знаю, как это реагировать. Мы с тобой – всего лишь приятели, которые очень давно знакомы и по пьяни переспали. И продолжаем общаться лишь потому, что ты крепко осела у моих деловых партнеров. И всё. Ты явно что-то себе придумала. Если не хочешь, чтобы наши хоть какие-нибудь отношения окончательно сошли на нет – веди себя посдержаннее, пожалуйста. И уж точно не вздумай лезть в мою жизнь.

В скверном настроении вернулся в свой кабинет, отложив намеченную встречу на полчаса. Подошел к панорамным окнам, застыл, расфокусировано глядя на город, покрытый туманной влажной дымкой. Огромная серая масса зданий, муравьиные потоки людей и машин разбавлялась яркими всполохами золота листвы между ними.

Как всё было просто до недавнего времени. Бизнес, мероприятия по расписанию, даже встречи с дамами и то, по запланированному и удобному для него графику. Всё решалось выдачей платежной карты в пользование, иногда – наличных. Никаких эмоциональных окрасок, а если что и намечалось с противоположной стороны – сразу следовала её смена. Хотя, намечающееся было как правило желанием навязать ему обязательства, что пресекалось немедленно. Никаких привязанностей, никакого влияния со стороны, никаких обязательств и слабостей. Удобно. Выверено.

А тут... С момента, как он встретил Катерину, он совершил столько спонтанных и нетипичных для себя поступков, что сам себя не узнавал. В воспоминаниях он смаковал момент, когда она спешно вошла в ресторан. Горящие возмущенные глаза фурии и просто дико фонящая аура неприкосновенности. Она была настолько другой относительно его привычного круга, что он как загипнотизированный последовал за ней. Сильная. Правильная. Думающая.

Заговорил, наблюдал. Никакого приценивающегося взгляда с её стороны, так необычно. Открытые чистые глаза, честные ответы, никакого глупого заигрывания или, наоборот, лжеоскорбленного поведения.

А когда она искренне засмеялась в первый раз, с необычайным магнетизмом, он внезапно почувствовал неожиданный режущий изнутри отклик своего тела. Похоже, в этот вечер всё вышло из-под его обычного контроля. Вспоминая Катино лицо, когда она смеялась или хитро щурила глаза, шутливо ехидничая, Максим расплылся в неконтролируемой улыбке. Достал телефон:

– Привет.

– Макс, привет! – всегда искренний теплый радостный отклик.

– Как твой день сегодня?

– Прекрасно! В обед прогулялась, если хочешь, могу прислать фото – на набережной скверы красиво в желтое вырядились, мост с чугунными перилами через Язу так красиво на их фоне смотрится.

– Конечно хочу! Присылай.

И он, заставив сидеть высокопоставленного чиновника в приемной, разглядывает фотографии и улыбается, как влюбленный подросток.

Максим заикнулся о намеченном на субботу фестивале «Золотая осень». Катерина в ужасе всплеснула руками за ланчем:

– Максим, тебя не утомляет такое количество публичных мероприятий?

– Меня? Очень утомляет! Но что поделать, это неизбежные издержки бизнеса такого уровня. Надо поддерживать определенные связи. Но, эти мероприятия имеют волнообразный характер, есть и периоды затишья. Скоро будет время отдохнуть от публичности.

– Я, конечно, тебе благодарна, что ты дал мне возможность выгулять все мои имеющиеся вечерние наряды, но, если честно, я пресытилась на пять лет вперед. Более того, какие бы эти мероприятия не были интересные, они лишают возможности провести выходные по-иному, так как мне хочется.

– С удовольствием выслушаю твои пожелания на иной формат времяпровождения! Но! Настойчиво буду упрасивать сходить со мной на этот фестиваль. Честное слово – на ближайшее время ничего подобного больше не запланировано!

– Неужели у тебя нет какого-то хобби, увлечения?

– Эээ, нет, – несколько смущенно, будто его уличили в чем-то постыдном, признался Максим.

– Ну... даже не знаю, как сформулировать, чтобы это не выглядело стёбом. Обычно обеспеченные мужчины увлекаются коллекционированием яхт, машин, предметов искусств... Есть увлечения попроще: рыбалка, охота, яйца Фаберже. Нет?

– Нет, совсем нет, мне хватает моего бизнеса со всеми его вариациями, – смеялся Максим, качая головой.

– Горные лыжи? Мотогонки?

Опять отрицание с улыбкой.

– Ну, значит начинай хоть крестиком вышивать. Жить без увлечений – это ж так скучно!

– Хорошо, я подумаю. А ты чем увлекаешься?

– О, я люблю читать книги по психологии. Нет, не совсем так, я люблю читать вообще, в том числе труды по психологии. Ходить на всякие разные выставки... не смотри на меня так, да я люблю ходить на выставки! Но в меру. Раньше старалась почаще выезжать куда-то, но в последнее время что-то совсем не срастается. Очень люблю пешие прогулки! А если уж получается выбраться к теплому морю, то вообще могу жить прямо на берегу! Ну... некоторое время увлекалась фотографией и пыталась рисовать, но не хватило времени на полноценное развитие этих направлений. И вообще, я много чего люблю, – с азартом закончила она.

А Максим с восторженной улыбкой смотрел на неё, такую горящую, живую. И где-то даже почувствовал себя ущербным, что он ни о чем, кроме бизнеса не может также увлеченно рассказать. Он, конечно же, уделял внимание и дорогим хобби с партнерами по бизнесу, умел играть в гольф, бильярд, разбирался в карточных играх, имел соответствующий статусу автопарк, и уж точно мог себе позволить приобрести и яхту, и заняться коллекционированием предметов роскоши. Но какого-либо восторга это ему не приносило, поэтому он вынужденно выдавливал из себя в обществе тот минимум, который был необходим для галочки.

Глава 8

Уже на подъезде к концертному залу по статусу автомобилей и внешнему виду приглашенных, Екатерина заподозрила, что сегодняшний фестиваль, совсем не того формата, куда она ходила ранее с Максимом. В толпе мелькали знакомые лица из области политики, ведущие журналисты СМИ, узнаваемые актёры. На её вопросительно поднятую бровь, Максим лишь уверенней взял под руку и, ежесекундно здороваясь, потащил вглубь действия. Легкий фуршет для избранных в отдельной зале, концерт, первые ряды. Было крайне неуютно, ибо в качестве спутницы Максима, Катерина явно привлекала к себе слишком много внимания. Он спокойно её представлял знакомым, а ей откровенно хотелось сбежать. Из уважения к выступающим она смирно высидела положенные два с половиной часа, потом, выпростав руку, ушла в дамскую комнату. Продержав руки в ледяной воде, прижала их к вискам. Выходить обратно не хотелось. Слишком шумно и неуютно. Набрала Сашке, пообщались. Упало сообщение от обеспокоенного её пропажей Макса. Надо выходить из укрытия. Натянутая полуулыбка, многочисленные любопытные взгляды, фальшивое дружелюбное щебетание.

– Максим, мне тут крайне неуютно, если честно. Позволь мне уже сбежать домой? На меня всё это давит.

– Ты и вправду выглядишь замученной, но мне эгоистично не хочется оставаться без тебя тут. Сейчас большая часть гостей, по сути случайных для данного мероприятия – разъедется, надеюсь будет тише и спокойнее. Останься, а? – Он поймал её руку, погладил кончики пальцев и уже совсем тихо, с жалостливо приподнявшимися домиком бровями выдавил, – не оставляй меня тут одного.

– Это нечестно – давить на жалость, – ей пришлось вынужденно согласиться. По пальцам от его прикосновений побежали покалывания. Показалось или ...?

Внутри роем заметались беспокойные разноперые мысли, ничего конкретного, но хотелось вырваться, безумно хотелось вырваться на воздух.

– Здесь есть где-нибудь балкон?

– Да, я провожу тебя.

На втором этаже располагалась еще одна фуршетная зона, основной рой гудел, сосредоточившись именно здесь. Практически расталкивая гостей, они вышли на балкон. Было контрастно холодно и сыро, несмотря на отсутствие дождя. В воздухе витала влажная взвесь. Пахло опадающей листвой и мокрым асфальтом. Действительно, начала подтягиваться вереница машин, ожидая своих хозяев на отбытие с фестиваля.

Катерина продрогла, но уходить с балкона не хотелось. Пахнуло знакомым теплым запахом горькой ванили и на плечи мягко опустился его пиджак. Максим слегка приобнял её за плечи и мягкими поглаживающими по плечам движениями прогнал озноб.

– Взять тебе шампанское или что-то еще?

– Нет, спасибо. Я пока чуть подышу свежим воздухом. Ты иди пока, тебя наверняка разыскивают, я же слышу, как у тебя телефон разрывается.

– Уверена?

– Да, конечно. Иди.

Несмотря на доносящийся гул голосов и шуршание отъезжающих автомобилей, на балконе было ощущение тишины и спокойствия. Сколько она тут стоит, опираясь не перила, изучая таких разных и при этом одинаковых гостей. Пять минут или полчаса? Буквально силой себя заставила вернуться в зал. Людей стало поменьше, судя по их поведению – градус покрепче. Из толпы вынырнул светящийся Спартак:

– Ну, наконец-то! Я уж думал, что Макс мне или врёт, или же у него галлюцинации на предмет твоего присутствия. Ты как всегда божественно выглядишь! – он отступил на шаг

назад и одобрительно оглядел её с головы до ног, – Ну, зачем надо было мерзнуть на балконе, идём к нам! Я представлю тебя интересным людям...

Под вялое сопротивление он потащил её вглубь зала: череда лиц, шампанское, закуски, где-то периодически мелькала фигура Макса. Надо отдать ему пиджак. Надо отсюда уходить. Уже остро звенела внутри струна – надо уходить, головная боль нарастала.

– Проводи меня к Максиму, пожалуйста.

– Кэт, на тебе лица нет. Ты как себя чувствуешь? – встревожился Спартак.

– Тут очень шумно и душно. Голова немного болит, хочу уйти.

Максим сосредоточенно разговаривал с двумя высокими мужчинами, увидел подходящую Катерину, прервал разговор и представил их:

– Господин Макушин Дмитрий Юрьевич, владелец крупнейшего агрокомплекса, меценат, основатель школы-пансионата для одаренных детей «Зимино», а это господин Костицын Анатолий Владимирович – директор этой школы!

Екатерина как сквозь туман выслушала о действительно уникальной школе, посокрушалась, что в её детстве такой не было, получила приглашение приехать на экскурсию в это учебное заведение. Слова эхом звучали в голове, теряя смысл.

– Макс, я хочу уехать... – вполголоса пробормотала Катя.

– Да-да, идем уже вниз, я и сам тебя хотел уже позвать.

Последние прощания у автомобилей, малочисленные оставшиеся компании. И опять этот неприятный знакомый голос.

– Мааакс, – елебно-хрипло растянулся Янин голос, – ты меня избегаешь весь вечер. Я уж думала ты от меня прячешься. – Опять показное целование при встрече и притирание к его бедру. Демонстративный высокомерный взгляд, – О, доброй ночи, Макс *всё ещё* с Вами? Твоё постоянство в этот раз меня удивляет, – и высшая степень демонстрации удивления в голосе с каркающим прокуренным смехом.

– Ты что-то хотела?

– Фу, как грубо...

Катерине хотелось сквозь землю провалиться, мерзкое липкое ощущение накрыло с головы до ног. Дайте мне сбежать и выясните свои отношения без меня – вопило оскорбленное нутро.

Янины руки нарочито пытались обвить Макса, он деликатно, но категорично отстранил её. Спартак щебетал и пытался вызвать огонь на себя. Сильно пахло крепким спиртным. Вот в чем дело, она в это раз слишком пьяна. Максим крепко обхватил Яну за плечи, склонился к её уху, тихо, но отчетливо, так, что было слышно и окружающим, произнёс:

– Тебе алкоголя на сегодня хватит, по крайней мере на этом мероприятии. Пора уже угомониться.

Яна вырвалась, лицо её исказила злобная гримаса. Максим подставил локоть Катерине, она облегченно взяла его под руку, бежать... стоило сделать полшага, как раздалось хриплое:

– Милочка, ты так бесстрашно его везде сопровождаешь, а ведь его совсем не знаешь! Зря... и не боишься ведь?

Катя удивленно замерла, Галя, подходя, недоуменно от увиденной сцены хлопала глазами, Спартак завертелся ужом, безуспешно пытаясь уже физически утащить Яну, но её злоба и ярость давали многократный отпор. Максим замер, как каменный истукан. Лицо... Екатерина никогда не видела у него такого лица: словно высеченное из серого гранита, взгляд в одну точку, потемневшие глаза, напряженные скулы. Он знал, что сейчас произойдет. И готовился принять удар.

– Ты бы поостереглась его, ведь небось ничегошеньки не знаешь о его прошлом? – Янино перекошенное лицо приблизилось к Катерине, и накатила мерзкий запах женского опьянения, смешанного с желчью, – а надо бы бояться! Ведь у нашего доброго и хорошего Максима есть

маааленький секрет, о котором он тебе наверняка не рассказал. Подумаешь, он всего лишь убил человека! Подумаешь, отсидел-то всего ничего... – воздух разрядился до предела, дышать стало нечем. Тишина была плотной и осязаемой, она противно давила на уши.

С видом занудного профессора нравоучительно внутренний голос сочувственно пробурчал – вот тебе наконец и *«что-то и не то»*, которое ты так долго выискивала. Теперь ты знаешь, довольна?

Екатерину внезапно обдало, словно ледяной водой, смывающей липкость и всю дрянность этого вечера. И откуда ж взялись эти силы и несвойственная ей реакция. Голова стала ясной, пропала нервная дрожь. Какая-то часть сознания ушла в автономную, словно заранее продуманную, работу. Видя себя со стороны, как в замедленном кино, чужим медовым голосом Катерина с придыханием произнесла, максимально прильнув к фигуре Максима:

– Конечно же я всё это знаю! У нас с Максьююшей нет друг от друга никаких секретов! – сладко проворковала, растягивая слова, победоносно посмотрела на застывшую Яну, краем глаза увидела не менее оторопевшего Спартака, открывшую рот Галю; максимально выдавив из себя всю показную нежность, которую только нашла силы изобразить в такой момент, промурлыкала Максиму, растягивая слова:

– Дорогой, поехали уже, я замерзла.

Глава 10

В машине осколками осыпалась лжеуверенность. Где сила, где разум, самообладание, где она сама? Есть только его теплый пиджак на её трясущихся в дикой амплитуде плечах, комок в горле, ледяные руки. Дышать, нужно часто дышать, чтоб не зареветь. Нужно просто дышать.

Он бывший ЗЭК? Он убийца?

Он... ну почему – взвыло бабское нутро, срываясь на истеричный визг – почему? Почему всё так, а не иначе?

Максим не проронил не слова, машина, визг, он молча рвал время и расстояние, убегая отсюда. Неизвестный ей маршрут. Окраина Москвы, если верить указателям. Темно и неудобно. Страшно? Нет, просто холодно. Максимально натянуто, лопнет ли или ослабнет?

Какой-то двор. Высокий старый бетонный забор в окружении высоких деревьев, дыры и провалы в ограждении, многократно залатанные арматурой.

Как же холодно, в воздухе парила плотная водяная взвесь, оседая на всем, до чего могла дотянуться. Будто откуда-то взявшийся туман разом в небесной канцелярии решили взбить и сыпануть на смертных. Мысли роились, распались, так и не облачившись во что-то конкретное. Противным отзвуком каркал голос: «... он всего лишь убил человека. И отсидел-то всего ничего... отсидел... убил и отсидел...».

Максим, буквально выбежавший из машины, метался у забора. Слова словно застревали на вылете, губы беззвучно открывались. Наконец-то совсем чужой осипший голос обречённо произнёс:

– Ты как-то просила погулять по местам моего детства... так вот это место... Детский дом №17, впоследствии детский дом «Надежда»... Тут я с того момента, что помню себя. И, похоже, тут я до сих пор.

Его пальцы скользили по заросшему мхом полуразвалившемуся забору, нашли табличку. Словно слепой, он руками читал буквы на ней наощупь. Бессвязные слова, он в одной рубашке, начинающей промокать и липнуть к телу. Неужели ему не холодно? Как же хочется в тепло и просто забыть этот вечер. И... все последние вечера, словно их и не было.

Сквозь затуманенное сознание прорывались его слова, обрывками. Не вяжущиеся в единый текст, а доносившиеся до неё вырванными несгоревшими лоскутами его памяти:

– ... Нас было четверо, я, Спартак, Мишка-гончар и Олег. Мы не сошли тут с ума лишь потому, что были вместе. Из персонала нормальными тут были только охранник Егор Палыч и кухарка, молоденькая Марина, – черты лица Максима внезапно смягчились, даже тон стал каким-то трогательно-детским. – Единственные положительные воспоминания, это то, как Марина тайком на дни рождения пекла нам торт медовик.

Он на мгновение замер, явно погрузившись в тщательно оберегаемую теплую область воспоминаний. Затем помрачнел и продолжил:

– Остальные, что директор, что так называемые педагоги и кураторы, были нелюди. Этот детский дом после нашего... – осечка, пауза, – дела... и показаний воспитанников спешно закрыли. Всплыло много неугодных фактов. Хотя... они даже не представляли всё, что тут творилось.

Его слова доносились до неё, как сквозь вату, морось откровенно превратилась в пронизывающие ледяные нити дождя. С волос струйки сбегали на ресницы, нарочито размывая тушь. Пришлось просто прикрыть глаза. А его голос продолжал рисовать картины.

Максима привела к воротам детского дома сама мать. Если верить словам персонала, якобы его мать просто постучала в ворота и охраннику сказала, что ей больше мальчишка не нужен. При этом ребёнок даже не плакал и не цеплялся за неё. Было видно, что по факту

в его жизни её давно уже нет. Охранник еле уговорил зайти во внутрь и дожидаться руководства, оформить документы, чтобы в дальнейшем у мальчика были шансы на усыновление.

Хотя, какое усыновление, зачем? За всё время, что Максим тут пробыл, кандидаты на усыновление до детей доходили считанные разы. В основном всё ограничивалось беседами в кабинете директора с приглашением медперсонала, дескать дети очень проблемные по здоровью и поведению, лучше не вешайте на себя это ярмо (ведь финансирование по головам, гораздо выгодней иметь полную коробочку душ). Нормальных детей тут нет. Это они узнали чуть позже, а изначально вглядывались в щели в заборе, выискивая мам и пап среди потока людей, идущих мимо.

Директор был изоциренным садистом. Физические меры воздействия он лично применял мало и редко, почти никаких избиений или ещё чего... но ему нужно было довести кого-то из детей до надрывной истерики, срыва и лишь после этого он успокаивался на какое-то время. Он нами играл, как марионетками. Младших он очень любил зазывать к себе в кабинет, угощать сладостями, рассказывать, как ищут его маму и вот-вот найдут. После нескольких таких бесед устраивалась показная сцена с лжезвонком или «прочтением» письма от «мамы» о том, что ей такой ребенок не нужен и она родила другого. Ему нравилось ломать психику младшим, а очерстевшие старшие ему были уже мало интересны. Хотя, смотря с какой точки зрения...

У младших крыша начинала съезжать от этого. Диагноз цеплялся один за другим.

За малейшую провинность – содержание сутками в одиночной комнате-изоляторе, хотя это была натуральная камера без окон, где забывали включить свет. В Гробнице, мы так это место называли, частенько забывали кормить и поить. Зимой там был адски холодно. Какие-то эксперименты, нас постоянно запирали в разных комнатах, давали непонятные препараты, заставляли проходить тесты, психологические тренинги. Персонал отчитывался перед комиссиями об их уникальных программах адаптации, рисуя в документах нам небывалый поведенческий прогресс. Мы замечали, что многие моменты стали у нас выпадать из памяти, до сих пор не знаем – это последствия стресса или неизвестных для нас медикаментов. Кормили жалкими остатками того, что не было разворовано по дороге до нас, ходили в обносках. Делалось всё, что могло стереть остатки человеческого достоинства и закончить превращение нас в маленьких озлобленных зверьков с поплывшей психикой.

Это был какой-то сюрреалистический мир, со своими странными законами. И законы природы тут тоже работали с осечкой.

Мы стали терять Олега... Драки, самодельные заточки, в Гробнице он проводил чуть ли не больше времени, чем в комнате с нами. Он орал по ночам, что найдет мать и зарежет её, вырежет ей чрево, чтобы она не рожала таких ублюдков, как он сам.

А Мишка, Мишка был самым добрым и тихим из нас. Он не вёлся на провокации сверху, философствовал и с удовольствием любую свободную минуту лепил что-то из глины. Благо грязи у нас было вдоволь. Но почему-то самые удачные изделия были растерты в пыль во время нашего отсутствия в комнате.

Про педофилию мы не знали наверняка, Верховые (сам того не замечая, Максим вернулся к тамошнему сленгу) были крайне осторожны. Нет-нет заглядывали комиссии с проверками, резонанса никто не хотел. Жертв выбирали из тех, кто будет молчать.

Мы подозревали, что они заграбастали Мишку. Он молчал, только лепил уже каких-то монстров. И их никто уже не ломал. А по ночам он выл, жутко, сжавшись в комок, раздирая простыни. Но из тех слов, что он не мог сдержать во сне, мы поняли, что с ним и другими детьми делали Верховые. Ближе к выпуску, однажды утром мы его не увидели в кровати. П-предчувствие... Мы со Спартаком понесли во двор. Он висел... на ветке д-дуба. Аккурат напротив окон кабинета директора. Спартак рванул к нему и с-п-поткнулся на лестнице и упал – сломал ногу. Это его и спасло от соучастия – его п-положили в больничный блок.

Мы п-покаялись отомстить... Я честно не могу рассказать, всё, что там было. Память до сих пор от меня прячет подробности. У Олега была заточка, у меня металлическая арматура. Мы подкараулили директора, когда он шёл к машине. Я ударил по ноге. Он упал и сразу начал кричать, что не ожидал, что с Мишкой так произойдёт. Он-де был сам на всё согласен и никакого насилия не было. Когда он это сказал, мы с Олегом как с ума сошли, так как до последнего не верили. Нам потом сказали, что на трупке были множественные следы ударов и от заточки, и от арматуры.

На наше счастье следователь объективно изучила всё, что произошло. Нам предъявили обвинение в причинении тяжких телесных, от которых впоследствии директор скончался. Комиссия перетрясла всех Верховых, когда начали всплывать подробности того, что происходило у нас, решили дело быстро замять. Дело пестрело обилием смягчающих обстоятельств, чтобы мы особо не разговорились. Через год отсидки меня за примерное выпустили на УДО, а Олега мы потеряли окончательно, он не смог больше выбраться из этой грязи. Спартак сокрушался, что он остался на свободе. Но знаешь? Ирония такова, что при всех моих нынешних жизненных принципах я не считаю, что мы сделали что-то дурное. Тогда и там – это было верное решение. Мы так считали.

Максим повернулся к молчащей всё это время Кате и словно очнулся, увидел её дрожащие плечи, посиневшие губы и промокшее насквозь вечернее платье. Его пиджак на её плечах уже не защищал от сырости и холода. Максим пробормотал:

– Я идиот, садись быстрее в машину.

Глава 11

Даже включенный в машине обогрев не мог выгнать всю впитавшуюся в тело сырость и дрожь. Услышанная история почему-то воспринималась, будто просмотренный фильм, не вызывая особо эмоционального отклика.

Не было ни обсуждения, ни понимания, и всепрощения.

Это было где-то, когда-то и с кем-то. И не совсем на самом деле. Мозг отказался воспринимать эту информацию с привязкой к Максиму. Этому Максиму. А тот... тот Максим, она его не знала.

Просто хотелось домой, переодеться в сухое и согреться. Физические ощущения отказались отступить перед моральным потрясением. Надо согреться и высохнуть. А всё остальное – может подождать. Это, видно только в сказках, главные герои в стрессовой ситуации через огонь и лед идут и ничего не ощущают. Адреналина в крови – ведро, а вот холод бьёт, как в припадке.

Сколько и куда они ехали – она толком не поняла. В водительском окне чернел глухой лес, мутно-серое небо с изредка выглядывающей луной. Дождь прекратился. По правую сторону какие-то посадки, малоэтажные здания, заборы, опять лес. Пропускной пункт, охрана, опять дорога и лес. Где они, черт побери!

Ворота отъехали в сторону, пропуская автомобиль. Свет фар выхватил большой двухэтажный жилой дом, подъездная дорожка из щебня, гладь газона. Макс молча заглушил автомобиль, открыл дверь и жестом пригласил её в дом. В холле приглушенное освещение, причудливые ниши в стене. В одной из них довольно корявая глиняная широкая ваза с несколькими сколами.

И точное понимание, что её сделал именно тот Миша Гончар. Максим бережно положил ключи от автомобиля в эту вазу, притворил дверь и заговорил своим обычным, но безумно уставшим хриплым голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.